

Я. Л. Коломинский,

*доктор психологических
наук, профессор,
председатель
научно-экспертного совета
"Дети Чернобыля"*

Психологические последствия аварии на ЧАЭС

Влияние чернобыльской катастрофы на психику человека обусловлено рядом объективных и субъективных факторов. На современном уровне исследования оправдывается гипотеза, согласно которой отрицательные показатели психического здоровья вызваны не только и, может быть, не столько прямым воздействием радиации на мозг и нервную систему человека, сколько влиянием сложного комплекса экологических, макро- и микросоциальных последствий жизнедеятельности в зонах, пораженных радиацией, и так называемых чистых районах переселения.

Население пострадавших районов живет в состоянии стресса, который по мере отдаления человека от источника радиации во времени и пространстве приобретает новые черты, требующие изучения для организации и осуществления психологической помощи и социально-психологической реабилитации.

Чернобыльская катастрофа как фактор мощного травмирующего влияния на психику характеризуется прежде всего психологическими особенностями ее восприятия человеком. В отличие от свидетелей таких грозных, но "наглядных" экологических катастроф, как землетрясение, наводнение или пожар, огромное большинство тех, кого мы сегодня называем жертвами чернобыльской катастрофы, не были ни свидетелями взрыва на блоке, ни участниками борьбы с огнем на ЧАЭС, ни строителями саркофага. Они узнали (услышали или прочитали) соответствующие сообщения о катастрофе и о ее грозном последствии — радиации. При этом, поскольку у человека отсутствуют специализированные

природные органы для восприятия радиации и оценки ее интенсивности, радиационная опасность воспринимается и оценивается опять-таки косвенно, внесенсорно, неорганолептически. Таким образом, можно утверждать, что восприятие факта чернобыльской катастрофы и ее последствий носит опосредованный эмоционально-когнитивный, эмоционально-информационный характер. Отсюда — повышенная субъективность оценки радиационной опасности и ее большая зависимость от сообщений в средствах массовой информации, конкретных мероприятий властей и медицинских работников, от слухов, возникающих в данном регионе на уровне макро- и микросреды.

Другим, чрезвычайно существенным, фактом стрессогенного воздействия и прямых и косвенных последствий чернобыльской катастрофы следует считать пролонгированность, длительность и постоянство этого воздействия, которое на одном полюсе, у части людей, усиливает радиофобию, а на другом полюсе, у других, создает иллюзию привыкания, приводит к столь же патологической радиационной беспечности. Влияние описанного фактора на жителей Чернобыльской зоны возрастает за счет информационной противоречивости и нестабильности. Она началась с прямыми сокрытия властями масштабов катастрофы и умышленной дезинформации населения о возможных последствиях влияния радиации на здоровье людей. После снятия информационной блокады вредное воздействие на эмоциональное состояние людей оказывают противоречивость сообщений в средствах массовой информации, неясность жизненных перспектив, недостаточность конкретных действий органов власти и медицинских служб.

В сложной социально-психологической ситуации оказываются и переселенцы. На первом этапе подготовки к переселению несомненно стрессогенным фактором является сама необходимость изменить весь привычный образ жизни — покинуть родной дом, оставить работу, расстаться с друзьями и соседями. На втором этапе на психику воздействуют трудности бытовой, трудовой и социально-психологической адаптации, которая осложняется скрытой или откровенной враждебностью местных жителей — аборигенов — по отношению к мигрантам и недостаточным вниманием к их проблемам со стороны местных органов власти.

Описанные стрессогенные факторы оказывают травмирующее влияние на психику всех возрастных групп населения.

В сознании человека возникает субъективный образ радиационной угрозы, под влиянием которого складывается особый симптомокомплекс, представленный в самосознании личности в виде обобщенного образа: “Я — чернобылец”. Личность с таким деформированным самоотношением обнаруживает признаки психологии жертвы: пассивное отношение к жизни, неуверенность в своих силах, ожидание помощи со стороны. Нередко это сочетается с ощущением вседозволенности, которая приводит к отклоняющемуся поведению, алкоголизму.

Специальные исследования обнаружили большую распространенность психологических и невротических расстройств у жителей зон жесткого радиационного контроля. Отмечаются повышение ситуационной и личностной тревожности, депрессия, апатия, психическая дезадаптация, которая проявляется в чувстве незащищенности, постоянном беспокойстве за состояние здоровья — свое и своих детей. В значительном числе случаев отрицательные эмоциональные состояния переходят в стойкие невротические и неврозоподобные расстройства и психические заболевания. На поведенческом уровне проявляются недоброжелательность, раздражительность, агрессивность, что негативно сказывается на межличностных отношениях и общении в семье, учебных и трудовых коллективах.

К психологическим последствиям чернобыльской катастрофы следует отнести и значительный рост психосоматических заболеваний. Так, в ряде районов жесткого контроля, по данным 1989 г., в 2 — 4 раза повысилась заболеваемость гипертонией и сахарным диабетом; заболеваемость ишемической болезнью сердца в Краснопольском районе выросла с 1,55 до 5,58%. Проведенный анализ заболеваемости гипертонией у взрослого населения свидетельствует о ее росте в Брагинском районе с 0,96% в 1985 г. до 6,87% в 1989 г., Чечерском — с 2,16 до 8,44% и Славгородском — с 1 до 4,89%.

Как писал Г. Гессе: “Если душа болит, то она способна выражать это самыми различными способами, и то, что у одного принимает форму мочевой кислоты, готова разрушение его “Я”, то у другого оказывает подобную услугу, выступая в обличье алкоголизма, а у третьего уплотняется в кусочек свинца, внезапно пробивающего ему черепную коробку”.

Исследователи чернобыльской катастрофы отмечают, что в исследуемых районах повысилась конфликтность в семейных отношениях, снижается рождаемость. Здесь одновременно сказывается воздействие ряда негативных факторов. Специальный анализ показал, что в районах жесткого контроля аномальные дети рождаются чаще, чем в остальных районах Беларуси. Общий показатель по республике в 1988 г. 5,55 (на 1000 новорожденных), а по загрязненным районам — 6,89. В Гомельской области возросла также частота нарушений развития у плодов с 5,64 в 1985 г. до 9,2 в 1988 г. Среди причин детской смертности в контролируемых областях наблюдается рост удельного веса врожденных аномалий с 25 до 31% за счет снижения других причин смертности. Эти данные не являются достоянием закрытой медицинской статистики. В виде порой преувеличенных слухов они распространяются среди широких слоев населения, а отдельные случаи врожденных аномалий у младенцев даже попадают на телевизионный экран, вызывая острые стрессовые реакции.

В связи с этими и другими подобными факторами возникает проблема психологической экспертизы пропагандистского материала о последст-

виях чернобыльской катастрофы. Видимо, следует дифференцировать его по степени компетентности аудитории и возможностям личного контроля над ситуацией. Едва ли уместно широко оповещать без особой необходимости широкие круги населения о единичных фактах, а тем более о предположениях и прогнозах, которые усиливают страхи и при этом не могут быть использованы рационально. К понижению рождаемости, по-видимому, приводят и отмеченное исследователями повышение импотенции у мужчин, и общая социальная дезориентация, возникающая в условиях социально-экономической дестабилизации общества.

Тревожно влияние последствий чернобыльской катастрофы на психику детей. Как показывают наблюдения, для детей особенно тягостны изменение привычного образа жизни, многочисленные фрустрирующие запреты, которые заставляют ребенка воспринимать окружающую природу — лес, речку, цветы, траву и т.д. как источник грозной, хотя и непонятной опасности. Ребенку трудно объяснить, почему нельзя сорвать яблоко с дерева, нельзя удить рыбу, нельзя подставить лицо ласковому летнему дождю... Если представить изменения в психике и поведении детей обобщенно, то можно говорить о существенных сдвигах в познавательной, интеллектуальной, эмоционально-волевой и лично-характерологической сферах. Почти все исследователи отмечают отрицательные явления в области общения со сверстниками и взрослыми, а также криминализацию поведения подростков и юношей. При этом следует отметить, что описанные изменения трудно однозначно связать с фактом проживания в зонах радиационного контроля или местах переселения. Они своеобразно накладываются на возрастные и индивидуальные характеристики психики. Нельзя также не учитывать влияния общего ухудшения психологического климата в семье и школе, связанного не только с последствиями чернобыльской катастрофы, но и с социально-психологическими феноменами переходной социально-экономической ситуации в стране. Скорее всего, можно говорить о симптомокомплексах чернобыльского периода, имея в виду последствия совокупного воздействия всех отрицательных факторов на психику детей и подростков.

Комплексное исследование, предпринятое психологами Республики Беларусь в рамках программы “Социально-психологическая реабилитация и социально-правовая защита детей и подростков” (головное учреждение — БелНИИ образования), позволило обнаружить ряд существенных данных о влиянии последствий чернобыльской катастрофы на психику детей и подростков, которые мы имеем возможность сравнить с результатами аналогичных исследований, проведенных на Урале и в России.

Изучение умственного развития и состояния сенсорной сферы детей 4 — 6 лет, подвергшихся воздействию радиации (рук. Н. А. Цыркун), показало, что существуют сложные соотношения биологических и со-

циальных предпосылок развития психики ребенка. При этом социальные условия (уровень образования родителей, высокое качество воспитательной работы в детском саду, оптимальные межличностные отношения) являются компенсирующим фактором развития. Выявлены достоверные различия по некоторым показателям умственного и сенсорного развития детей контрольной и экспериментальной групп. Однако нельзя однозначно утверждать, что эти различия обусловлены именно неблагоприятной экологической обстановкой в обследованных районах, поскольку нет данных о предшествующем развитии каждого обследованного ребенка. По некоторым параметрам умственного и сенсорного развития детей контрольной и экспериментальной групп не существует достоверных различий (дети обеих выборок могут иметь как одинаково высокие, так и одинаково низкие результаты). Это касается прежде всего результатов, прямо связанных с обучением: сформированности умственных действий, способов решения задач и др., параметры которых поддавались корректировке в пробном обучающем эксперименте. Обнаружено общее снижение интеллектуального развития детей в наблюдаемых группах, т.е. даже если отдельные показатели детей контрольной группы достоверно выше, чем у детей экспериментальной группы, то результаты в целом ниже, чем предложенные тестовые нормы. Причем у старших детей (1985 — 1986 гг.р.) более заметна тенденция к снижению результатов, чем у младших (1987 г.р.).

Полученные результаты позволили выдвинуть гипотезу о том, что у всех детей, находившихся в момент аварии и проживающих постоянно на территории республики, формируется и медленно проявляется тенденция к снижению темпов интеллектуального развития. В то же время подтвердилось предположение о том, что умственное развитие дошкольников прямо зависит от социокультурных условий и опосредовано экологическими или биологическими факторами, если влияние радиации не превышает значимых для организма пороговых величин. Подтвердилась гипотеза о том, что показателем неблагоприятного развития у отдельного ребенка является снижение умственной работоспособности, а у выборки детей — уменьшение количества испытуемых, имеющих высокие результаты.

Исследование эмоциональной сферы подростков (рук. Л. Н. Рожина), проживающих в зоне радиоактивного загрязнения, выявило симптомы посттравматического стресса. Результаты контент-анализа сочинений и высказываний, стимулируемых незаконченными предложениями, позволяют говорить о наличии у подростков симптомов “позиции жертвы” и элементов аутодеструктивного поведения. “Позиция жертвы” выражается в идеализации ситуации до аварии; обвинении в недостаточности или полном отсутствии необходимой помощи; убежденности, что такая помощь обязательна; отсутствии осознанной ответственности за свое настоящее и будущее. Признаки аутодеструктивного поведения проявились в ограничении предполагаемой продолжительности жизни,

большинства подростков ...

Нужно отметить, что эти результаты выявлены в связи с связывающей будущее с чернобыльской аварией. В неопределенной ситуации, не задающей позиции для ответа, полученные данные оказались иными: не выявлено признаков "позиции жертвы" и элементов аутодеструктивного поведения. У подростков преобладает положительная оценка перспектив будущего, факт аварии и ее последствия практически не становятся объектом содержательных черт эмоций. В ситуации, когда незаконченное предложение стимулировало высказывание эмоционального отношения к будущему, ответы содержали конкретные представления о жизненных перспективах.

Такие противоречивые данные могут свидетельствовать либо о неприятии подростками чернобыльских проблем, их существовании только на осознаваемом уровне в качестве "внушенных" представлений и переживаний в связи с аварией на ЧАЭС, либо о вытеснении из области сознания травмирующей информации.

В то же время наблюдается высокий уровень личностной тревожности у подростков, индивидуальные характеристики отражают предрасположенность к тревоге, восприятию многих ситуаций как угрожающих. Личностная тревожность предопределяет эмоциональную реакцию, т.е. ситуативную тревожность. Исследование показало, что ситуативная тревожность у подростков не столь высока, и к IX классу выравнивается количество школьников с высоким и средним ее уровнями. Возможно, это связано с невысокой значимостью контрольной работы для школьников данного возраста. Исследование выявило низкий уровень самочувствия и настроения у подростков, среди которых много безучастных, равнодушных, пессимистически настроенных ребят.

Самым распространенным у старших школьников является смешанный стенический тип, т.е. характерны стеническое фрустрационное поведение и астеничность эмоциональных переживаний. Подростки часто испытывают чувство дискомфорта, неустойчивость настроения, негативные эмоции и чувства, однако в ситуации напряжения, конфликта проявляют адекватное поведение. К IX классу становится больше школьников с астеническим типом эмоционального профиля. Последнее обстоятельство свидетельствует о дезадаптированности части подростков к изменившимся условиям жизни.

При обследовании семиклассников выяснилось, что у средних подростков преобладают отрицательные жизненные перспективы, на этот возраст приходится "пик" низкого самочувствия и "перелом" к распространению астенического типа эмоционального профиля. Эти явления могут быть связаны с особенностями возрастного развития, поэтому в дальнейшем важно провести обследование в "чистых" районах и сравнить результаты.

По другим данным (М. В. Литиевская, Киев), у детей 13 — 15 лет из

зоны усиленного радиационного контроля обнаружены трудности социальной адаптации, конфликтность и агрессивность (89% обследованных), эмоциональная незрелость (67%), тревожность, "потеря корней" (56%), отмечается чувство отчужденности и отверженности. Характерны также неуверенность в общении, боязнь насмешек, чрезмерная резкость и протест как способ защиты, беспредметная озабоченность, неудовлетворенность отношениями в семье и школе. Отмеченные черты нередко сочетаются у подростков с повышенным самолюбием и эгоцентризмом.

Поскольку многие авторы отмечали явные изменения в межличностных отношениях у подростков и юношей Чернобыльской зоны, в русле комплексной программы БелНИИ образования проведено специальное исследование (рук. Б. П. Жизневский).

Была выдвинута гипотеза о том, что под воздействием неблагоприятных экологических условий у старшеклассников возникают определенные негативные изменения в сфере общения с окружающими людьми. При исследовании использовался комплекс методик как диагностического, так и психотерапевтического характера. Ряд методик был специально разработан в соответствии с задачами данного исследования.

Для получения достоверной информации сравнивались данные об особенностях межличностного взаимодействия школьников, проживающих в местности, непосредственно подвергшейся радиоактивному заражению (г.г. Могилев и Мозырь), с соответствующими данными по фоновому региону (г. Минск и Минская обл.).

В регионе с более сложной экологической обстановкой зафиксировано увеличение количества конфликтов старшеклассников с учителями. По сравнению с фоновым регионом это различие статистически значимо. При анализе возрастных особенностей выявлено, что наиболее конфликтными являются XI классы, особенно девушки этой возрастной группы. Можно предположить, что здесь происходит усугубление возрастного кризиса кризисом экологическим. Чаще всего у учащихся из региона возникают конфликты с учителями по поводу оценок, что определенным образом подтверждает данные других исследований о существенном снижении у учащихся из радиоактивной зоны интереса к учебе. При анализе особенностей поведения школьников I региона в конфликтных ситуациях отмечена тенденция к увеличению таких способов поведения, как "соперничество" и "избегание". Кроме того, на статистически достоверном уровне выявлено снижение реакции по типу "приспособление". Видимо, это свидетельствует об определенной социально-психологической адаптации старшеклассников, проживающих в условиях длительного воздействия малых доз радиации. Анализ данных о завершении коммуникативных конфликтов показывает некоторое снижение количества благополучно разрешенных конфликтных ситуаций в первом регионе по сравнению с данными по фоновому региону. Отмечено также снижение уровня благополучия межличностных взаи-

моотношений в группах учащихся из районов радиоактивного загрязнения по сравнению с соответствующими данными по фоновому региону. Попадая в конфликтную ситуацию, старшеклассники обращаются за помощью к близким им людям. В классе это друзья, сверстники. При этом отмечено, что при выборе сверстников учащиеся отдают предпочтение таким личностным качествам, как способность к пониманию, сопереживанию, возможность доверия, умение слушать, честность.

Специальные исследования психологической адаптации подростков к новым условиям жизни и деятельности в местах переселения (рук. Л. А. Пергаменщик) обнаружили ряд изменений в их психологическом облике. (См. статью Л. А. Пергаменщика “Стресс — это долгое эхо беды” в № 6 журнала “Адукацыя і выхаванне”.)

Комплексное исследование психологической адаптации детей к новым условиям жизни и деятельности в местах переселения позволяет предположить, что статус мигранта накладывает отпечаток на личность, формирует отличные психологические характеристики, создает особые модели поведения.

Представленная далеко не полная картина психологических последствий чернобыльской катастрофы позволяет сделать два главных вывода. Во-первых, наблюдения и исследования свидетельствуют о том, что эти последствия, несомненно, существуют, и на данном этапе трудно предсказать, какими будут отдаленные результаты изменений в психике взрослых и особенно детей. Во-вторых, уже то, что мы знаем о “психологическом Чернобыле” сегодня, вынуждает предпринять практические шаги по разработке и созданию в Беларуси системы психологической помощи и реабилитации, по организации Психологической службы.

In the article by Ya. Kolominsky, the psychological consequences of the Chernobyl catastrophe are discussed, the main stressogenic factors traumatizing the psychics of all the age groups of the population and, in particular, of the children and juveniles are described. The results of the research give reasons for the conclusion on the necessity of the development and creation of the system of the psychologic help and rehabilitation in Byelarus.